ЖАЖДА ТВОРЧЕСТВА

На паневежскую сцену и в студию, руководимую Ю. Мильтинисом, он пришел еще подростком. Здесь он рос как человек, художник. Тридцать пятый сезон Альгимантас Масюлис на сцене. Сыграно более ста ролей в театре и свыше шестидесяти — в кино. Наверное, потому, что Масюлис вырос в одном театре, одной художественной школе, его театральные симпатии и антипатии отличаются столь завидным постоянством. Кривая актерского творчества почти совпадает с изгибами художественной биографии Паневежского театра. Этот театр, рожденный Советской властью в 1941-ом, начал свою жизнь с постановок сравнительно несложных, по выражению Ю. Мильтиниса, «горизонтальных». В этих простых произведениях юные студийцы стремились к не такой уж простой цели — правдивости сценического существования. И актер прошел этот путь от «горизонтальных» ролей к «вертикальным», когда поиск все интенсивнее обращался не в ширь, а в глубь жизненных явлений.

Пожалуй, ни на одну другую художественную профессию внешность творца не оказывает такого серьезного влияния, как на актера. Внешность Масюлиса на редкость своеобразна, оригинальна. Необычная острота черт лица, необычный разрез глаз, почти профессиональная офицерская выправка — все как бы заранее предопределяло творческое амплуа актера. Не случайно кинорежиссеры активно принялись за эксплуатацию его внешних качеств для воплощения на экране образов фашистов высокого ранга, иных крупнокалиберных и рафинированных подлецов. Однако сам Масюлис вовремя спохватился и воспротивился этому, счастливо избежав печальной судьбы некоторых собратьев по профессии. Масюлису удалось объять широ-

кие жанровые и стилистические пласты актерской игры. Только в знаменитом спектакле паневежцев «Вольпоне» Б. Джонсона актер в разное время сыграл и слугу, и нотариуса, и капитана, а дублируя Ю. Мильтиниса, — еще и самого Хитрого Лиса, Вольпоне. Четверть века минуло с премьеры «Месяца в деревне» И. Тургенева, а в памяти живы изумительные по психологической нюансировке и человеческой тонкости отношения Ракитина-Масюлиса с Натальей Петровной.

Сегодня уже трудно представить ту огромную дистанцию, которую преодолел актер от «невинного» тургеневского психологизма до усложненного трагизма А. Стриндберга (Густав в «Кредиторах») и трагикомизма Ф. Дюрренматта. Потрясал трагизм мира, который с такой обескураживающей болью осознавал сын коммивояжера Ломена Хенни — Масюлис («Смерть коммивояжера» А. Миллера). А рядом Нагульнов — горячий, запальчивый, когда дело касается его убеждений. Ироническое отношение актера к воинственности героя сочетается с восхищением его душевной чистотой, дружелюбием.

Этот иронический зачаток актера нашел дальнейшее развитие в роли Другого («Там, за дверью» В. Борхерта) и особенно в образе Рихарда («Франк V» Ф. Дюрренматта). Необычное сочетание масюлисовской иронической игривости и безжалостно сатирического обнажения, я бы сказал, сатирической каскадности нашло продолжение в Курте («Пляска смерти» А. Стриндберга) и особенно в Геллере («Красное и коричневое» И. Радоэса).

Во «Франке V», поставленном как гротескная трагикомедия, актер создал одну из лучших своих ролей, крайне обострен в ней противоположные черты: галантность, даже человеческое обаяние и безграничный цинизм убий-

цы, избавившегося от «опасности считать себя приличным человеком». Его Рихард — шеф полиции частного банковского «государства» Франка V — один из наиболее пластичных и внутренне музыкальных образов, выстроенных на психологическом контрапункте. Внутренняя музыкальность и эксцентрика, ирония и гротеск всегда особенно привлекали актера.

Борьба со злом, умение стоически оставаться самим собой, сохраняя порядочность, быть «идеалистом» в противоборстве с обесчелочиванием человека, с любой попыткой растоптать духовные, нравственные ценности — в этом Масюлис видит пафос многих своих театральных, кино- и телеролей: старого моряка Доминикаса из пьесы «Янтарная вилла» Ю. Грушаса, мудрого Геловиниса из «Шларунаса» В. Креве, доктора Гибса из «Нашего городка» Т. Уайлдера, добрейшего интеллигента Миколаса Локиса («Никто не хотел умирать»), старика Пухова («Антарктическая повесть»), Бертелли («34-й скорый»), доктора Шульца («Крепыш») и «кристально честного сумасшедшего» старика Кербеля, ювелира патриаршей ризницы Кремля («Черный треугольник»).

— Вера, убежденность — главное в моих героях, — говорит А. Масюлис. — Другое дело — куда направлена, чему служит такая убежденность.

Вера, убежденность в жизни, в искусстве... Долгие годы Масюлис, казалось, был неотделим от родного Паневежского театра. И все же...

Масюлис — художник тонкий, веено мучимый творческой неудовлетворительностью, которую он, как человек чрезвычайно стеснительный, легко ранимый, скрывает под внешним видом бравадного весельчака, этакого никогда не унывающего парня. Есть в нем, пожалуй, что-то от Нагульнова.

Безжалостная требовательность к себе свойственна была А. Масюлису всегда. И тогда, когда он работал в Паневежском театре, и сейчас, когда, работая в Каунасском театре, создал ряд интересных ролей.

Этот неистовый, неистовый Альгис Масюлис, этот неугомонный человек — в жизни, театре, кино! Что, казалось бы, еще нового, неизвестного в разоблачении крайнего цинизма мог сказать актер после серии образов, после Рихарда? Удивленно глядел я на Масюлиса — советника юстиции Геллера. Напоминающий своей внешностью скорее танцовщика из мюзик-холла, а не очень-то грациозным танцем живота — пожилого и трусливого бюргера, он ничем не походил на предыдущих персонажей подобного толка. Ощувив весь саркастический настрой каунасской постановки, ее островыразительную, почти буффонную пластику и уплотненную метафоричность, А. Масюлис словно поднял своего Рихарда из «частной банковской оперы» Ф. Дюрренматта в ранг дирижера опереточной вагханалии, достигнув новой художественной ступени в раскрытии обобщенного образа фашизма.

Роли на каунасской сцене еще раз подтвердили творческий максимализм, а Густав в «Кредиторах» А. Стриндберга неожиданно слил психологизм актера с экспрессией философского символа. В течение всего спектакля Масюлису удается сохранить смысловую многозначность образа, отбросив видимость семейного треугольника.

Такие роли, как Густав, как Теофилис, как деревенский политикан и философ Пецюонис в литовском фильме «Факт», поэт Брейнинг в телефильме «Жизнь Бетховена» или Якимкус в только что отснятой ленте «Лето кончается осенью», рождаются лишь в мгновения высокого творческого напряжения. Такие счастливые мгновения переживает ныне актер, умеющий неистово бороться за столь необходимое живому искусству качество — неутолимую жажду творить, контролируемую беспощадной художественной требовательностью к себе.

М. ПЕТУХАУСКАС,
заслуженный деятель
искусств Литовской ССР.